

A romantic scene set in an autumn park. A young woman with long, flowing red hair is on the left, wearing a light-colored corset and cargo pants, holding an old book. She is looking upwards with a dreamy expression. To her right, a young man with dark hair, wearing a black shirt, leans against the trunk of a large tree with his arms crossed, looking directly at the camera. The background is filled with golden autumn leaves and a warm, soft light, suggesting a sunset or sunrise.

Наталья Белянчикова

Будет больше

Наталья Белянчикова

Будет больше

«Автор»

2026

Белянчикова Н.

Будет больше / Н. Белянчикова — «Автор», 2026

Ян привык легко «считывать» людей, но Василиса становится для него неразрешимой загадкой. Её внешняя невозмутимость, привычка держаться особняком и умение пропускать мимо себя чужой интерес одновременно притягивают и раздражают его. Он начинает неосознанно следить за ней, ловя каждый жест, каждую паузу, пытаясь разгадать, что скрывается за маской спокойствия. Василиса, в свою очередь, давно научилась жить за невидимой стеной, пропуская мимо себя чужие взгляды и шёпоты за спиной. Но внимание Яна — тихое, настойчивое, лишённое навязчивости — нарушает её привычный порядок. Она чувствует, как в её защищённой системе появляются первые трещины, и пока не понимает, пугать это должно или, напротив, обнадеживать. Через череду случайных столкновений — герои постепенно осознают взаимное влияние. Их связь строится не на громких словах или решительных поступках, а на тонких нюансах: сбившемся дыхании, дрогнувшем взгляде, секундной паузе перед тем, как отвернуться.

© Белянчикова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Наталья Белянчикова

Будет больше

Пролог

Василиса не помнила, когда именно она перестала говорить. Это не случилось в один день — слова уходили постепенно, будто листья с дерева осенью: сначала опали лишние, ненужные, потом те, что казались важными, пока не осталось ни одного, за которое стоило бы держаться. Они не спасают, не защищают, не возвращают то, что утеряно, — она это поняла слишком рано, раньше, чем научилась по настоящему бояться.

Когда-то всё было иначе. В памяти остались тёплые, почти осязаемые осколки прошлого: отец подбрасывал её вверх — высоко высоко, — и в эти короткие секунды казалось, что мир держится на его руках и никогда не упадёт. Мама смеялась легко и звонко, так, что смех словно заполнял весь дом и вытеснял всё плохое, даже то, чего ещё не случилось. Старший брат бежал рядом, придерживая велосипед за сиденье, делая вид, что всё ещё держит, хотя давно уже отпустил. Василиса кричала: «Я сама!» — не замечая, что едет без поддержки, и верила в это — в себя, в них, в то, что так будет всегда.

Эти мгновения счастья казались теперь далёким сном. Будто кто-то провёл невидимую черту между тем беззаботным миром и тем, что пришло ему на смену.

Потом время сломалось.

Утро было самым обычным: свет мягко ложился на стол, отбрасывая длинные тени от чашки и ложки, в кружке остывал чай, оставляя на поверхности тонкую корочку, а мама что-то говорила с кухни — спокойно, буднично, и её голос смешивался с шипением сковородки и звоном посуды. Ничто не предвещало беды.

А потом появились чужие руки — резкие, грубые, не дающие ни секунды на понимание. Мир сжался до тёмного, чужого пространства, где не было ни правил, ни объяснений, ни будущего, только страх — густой и липкий, заполняющий каждую клетку тела. Ей было четыре или пять — она больше не пыталась вспомнить точнее, потому что эта цифра ничего не меняла.

Путь от беззаботного детства к постоянной настороженности занял считанные месяцы. К шестнадцати годам Василиса прошла путь от доверчивого ребёнка до замкнутой девушки, научившейся выживать в мире, который казался ей враждебным.

Она научилась быстро, быстрее, чем должна была в таком возрасте: не смотреть, не двигаться, не издавать звуков, становиться меньше, тише, незаметнее. Но иногда её всё равно заставляли смотреть, и тогда она цеплялась за единственное, что могла контролировать, — внимание.

Василиса считала трещины на потолке — одну, две, три, — пока глаза не начинали слезиться. Следила за пауком в углу: он плёл сеть снова и снова, даже если её разрушали, — упорно и методично, будто знал какой-то секрет выживания. Эти неподвижные, предсказуемые образы становились её островками безопасности в хаотичном мире.

Она слышала мамин голос: тихий, почти невозможный в том месте, но устойчивый, как будто он принадлежал другому миру. «Раз, два, три — вдох. Раз, два, три — выдох. Дыши, солнышко», — повторяла мама, а Василиса вслушивалась в каждую интонацию, в каждую паузу. Этот голос держал её, не давал исчезнуть окончательно.

Когда появилась возможность бежать, она не думала — тело решило за неё. Василиса просто побежала, не разбирая дороги, не чувствуя ног, почти не оглядываясь. Почти.

Она обернулась всего один раз — и этого оказалось достаточно. Мама тянула к ней руки и кричала, но звук будто запаздывал, не доходил сразу, а лицо было искажено так, что его почти невозможно было узнать. Вспышка — резкая и белая — и тишина.

«*Васька, беги!*» — это был не просто крик, а приказ, последний и единственный, который она не могла не выполнить.

Она бежала, а потом наступила тишина — не та, к которой можно привыкнуть, а плотная и давящая, такая, в которой даже собственное дыхание кажется лишним звуком. Василиса перестала дышать почти сознательно, как будто так было правильнее.

Когда её нашли, сначала решили, что уже поздно: слишком тихо, слишком неподвижно. Но под слоем грязи и крови едва заметно дрогнула жилка на шее — её вернули. Слова — нет.

После этого Василиса больше не говорила: она слышала, понимала, запоминала, но не отвечала, потому что внутри не находилось ни одной причины, ради которой стоило бы снова открыть рот. Мир больше не заслуживал её голоса.

Сначала была пустота: лица проходили мимо, как через мутное стекло, не задевая и не оставляя следа, а голоса звучали глухо, будто доносились из другой комнаты. Потом начали возвращаться детали — сначала незаметно, по одной.

Свет в окне менялся: утром он был холодным и резким, вечером — мягким, почти тёплым, ложился на пол полосами и менял цвет в зависимости от времени суток. Василиса слышала шорох листьев за стеклом — то лёгкий, почти неуловимый, то громкий и тревожный. Чувствовала запах дождя, который всегда приходил раньше, чем сами капли, — он проникал в комнату, наполняя её свежестью и обещанием чего-то нового.

Эти вещи были безопасны: они ничего не требовали, не задавали вопросов и не причиняли боли — в отличие от людей. Постепенно Василиса научилась отвечать — кивком, коротким жестом, иногда, одним словом, если без этого было нельзя, — но сама не начинала разговор никогда. Слова оставались слишком хрупкими и слишком дорогими, чтобы тратить их впустую.

В школе её не понимали: кто-то жалел, кто-то считал странной, кто-то просто не замечал, — но её это устраивало. Она наблюдала, потому что это было единственное, что давало ощущение контроля. Василиса замечала, кто врёт — по паузе перед ответом и тому, как взгляд на мгновение ускользает в сторону, кто боится — по рукам, которые не знают, куда себя деть: то сжимаются в кулаки, то нервно разглаживают ткань одежды, кто злится — по глазам, даже если голос остаётся ровным, а улыбка — вежливой. Люди много говорили, но почти всё выдавали без слов.

Книги заменили ей людей, а языки — разговоры: английский, испанский, турецкий — каждый новый язык был как механизм, который можно разобрать и понять. В нём были правила, логика, структура — в отличие от людей.

Иногда по вечерам, сидя у окна с книгой на незнакомом языке, Василиса ловила себя на странной мысли: «А что, если не все опасны?» Мысль возникала тихо, почти незаметно, и так же быстро исчезала — она отбрасывала её сразу, потому что ошибаться было слишком дорого. Но где-то внутри тлела маленькая, упрямая искра. Василиса не позволяла себе смотреть на неё, но и задуть окончательно не могла. Эта искра робко сопротивлялась стене отчуждения, которую Василиса возвела вокруг себя.

Он заметил её первым — не потому, что она выделялась, а наоборот: она слишком хорошо вписывалась в фон, чтобы не бросаться в глаза. Но для него это и было сигналом. Ян привык замечать то, что другие пропускают: лишнюю паузу, неуместное движение, взгляд, который задерживается чуть дольше. Его этому научили, он умел читать людей — почти всех.

Василиса стояла у окна с книгой в руках — спокойная и отрешённая, как будто всё происходящее вокруг не имело к ней отношения. На секунду подняла взгляд — не на него, а будто сквозь, словно он был частью стены, предметом, который не требует внимания. Ян замер: он

не смог её прочитать. Ни страха, ни напряжения, ни попытки понравиться или спрятаться — только пустота, а за ней глубина, в которую он не мог дотянуться.

Солнечный свет коснулся её лица, подчеркнув тонкие линии бровей и едва заметный трепет ресниц. Это мгновение будто остановилось во времени — хрупкий баланс между двумя мирами.

Это было неправильно: так не бывает. Каждый что-то выдаёт, всегда — но не она. И это зацепило его сильно и сразу. Их взгляды пересеклись всего на мгновение, на долю секунды, но внутри Яна вдруг стало тихо — не спокойно, а именно тихо, как будто кто-то выключил постоянный фоновый шум, к которому он привык и который раньше не замечал.

Василиса опустила глаза к книге и неожиданно замерла, прислушалась к себе привычно и автоматически, но тревоги не было: ни давления, ни ощущения опасности — ничего. Это было новым и странным. Ветер за окном качнул ветку, тень скользнула по странице, на мгновение разрезав строки пополам. Мир остался прежним — холодным и предсказуемым, но ощущение изменилось: что-то сдвинулось. Глубоко внутри искра дрогнула — едва заметно, но впервые не сама по себе, а в ответ на что-т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.